

УДК 930.85:81'01 (История цивилизации. История культуры. Древний период)

ПРОТОТИПЫ СЮЖЕТА ОБ ЭДИПЕ: КУЛЬТ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И МИФ О БЛИЗНЕЦАХ

© 2019 В.И. Пимонов

Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук, профессор-эмеритус (Дания).

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР). Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 07.06.2019

Работа посвящена выявлению структурных прототипов сюжета об Эдипе. Автор высказывает предположение о том, что базовые прототипы или праформы (ur-form), лежащие в основе мифа об Эдипе, восходят к древнему культу жертвоприношения и мифу о близнецах. В статье рассматривается семантическое сходство между культом жертвоприношения и загадкой Сфинги, которое базируется на закамуфлированном мотиве беременности, а также – между близнечным мифом и легендой об Эдипе, через которые сквозной нитью проходит мотив убийства (детоубийства и отцеубийства). Автор приходит к выводу, что в символическом смысле образ Эдипа «раздваивается» на двух виртуальных (мнимых, воображаемых) близнецов, что свидетельствует о глубинной скрытой связи сюжета об Эдипе с близнечным мифом.

Ключевые слова: сюжет, прототип, загадка, Эдип, миф, жертвоприношение, близнецы.

Сходство сюжета об Эдипе с фольклорными легендами разных народов мира вдохновило исследователей на поиск общего структурного прототипа, лежащего в основе многочисленных историй «о рождении и жизни героя» [1, с. 5]. Вопрос реконструкции исходной праформы (ur-form) мифа об Эдипе не обойден исследовательским вниманием [2, с. 258 – 299; 3, с. 247 – 255; 4, с. 289 – 314; 5, с. 122 – 133; 6, с. 228 – 231], но тема эта, похоже, неисчерпаемая. Я хочу предложить догадку о том, что базовые прообразы (прототипы, праформы) сюжета об Эдипе восходят, с одной стороны, в древнему культу жертвоприношения, находящему отражение в загадке Сфинги, а с другой – к мифу о близнецах, связанному с легендами о рождении героя [7, с. 73 – 108; 8, с. 174 – 76].

Загадка Сфинги. Литературный сюжет об Эдипе неотделим от загадки Сфинги. Между тем загадка о существе с меняющимся числом ног распространена в мировом фольклоре вне контекста мифа об Эдипе. Приблизительно в одном и том же изложении она была известна монголам Селенги [9, с. 325], гасконцам [10, с. 3 – 14], племенам Британской Центральной Африки [11, с. 171], а также вошла в собрание русских народных загадок [12, с. 216]. Фольклорный материал указывает на то, что загадка Сфинги и легенда об Эдипе изначально существовали как два разных нарратива. Лишь позже они были переплетены в

единый литературный сюжет, в котором история Эдипа служит фоном загадки [13, с. 87]:

«Акт самоослепления героя был добавлен в полегомеровских изводах мифа, вероятно, именно для того, чтобы привести в соответствие образ ослепшего героя с трехногим существом в загадке: <...> теперь мы видим его опирающимся на палку, то есть на трех ногах, как и сказано с загадке» [14, с. 210].

В двусоставном имени Οἰδί-πους (οἰδέω – распухать, πους – нога: «пухлоногий»), которое фонетически перекликается с δι-πους (двуногий), слышен и квази-омонимический каламбур между οἰδί и οἶδα («знать» — ср. с εἶδον — «видеть» в смысле постигать), что создает возможность языковой игры, связанной с мотивом «ног», за счёт возникновения еще одного прочтения имени героя: «знаю(щий) [свои] ноги». Загадочная песня Сфинги (ποκίλφδὸς Σφίγξ), как сообщает Креонт в ответ на вопрос Эдипа о расследовании убийства Лаия, призывала «познать», «увидеть» то, что находится «перед ногами» (τὸ πρὸς ποσὶν — Sophocles, Oedipus Tyrannus, 130) [15, с. 119]. Тем самым на мотиве «ног» зиждется закамуфлированное предвещие «узнавания» Эдипом убийцы в самом себе: он не только «знает свои ноги», но и «видит» («узнает», «познает») то, что находится «перед [его] ногами», то есть самого себя. Представление о загадке Сфинги как элементе общей парадигмы мифа об Эдипе также

связано с металитературной переключкой мотива «ног» и «метрической стопы» в ранней версии загадки, изложенной Асклепиадом в форме дактилического гексаметра. Речь идёт о возможном прочтении загадки Сфинги как мета-загадки о стихотворном размере, которым она написана [16, с. 76 – 81].

Человек и животное. Исходя из допущения, что загадка о существе с меняющимся числом ног и легенда об Эдипе возникли независимо друг от друга, можно предположить, что поздний литературный сюжет, в котором они соединились в неразрывное целое, восходит к двум смежным, но различным прототипам. Один из этих прототипов нашёл отражение в загадке Сфинги, а другой – в истории Эдипа. Как загадку Сфинги, так и легенду об Эдипе характеризует общий сквозной лейтмотив, который касается «во-первых, ноги как доминанты — основного образа <...> проходящего через весь текст загадки и мифа, во-вторых — нумерологии, отраженной в последовательности чисел <...>. Загадка основана на обыгрывании индоевропейского противопоставления «двуногих» (**dwi-pod-*) — людей и «четвероногих» (**kw etur-pod-*) домашних животных» [13, с. 91 – 92]. Последовательность изменения числа ног в разных версиях загадки варьируется. В некоторых вариантах упомянуто только 2 и 4 ноги, что, вероятно, отражает наиболее архаичную формулу загадки, основанную на мотиве противопоставления человека (двуногого) и животного (четвероногого).

Жертвоприношение. Результаты сравнительно-исторических исследований загадок, построенных на завуалированной оппозиции «человек-животное», позволяют обосновать гипотезу о том, что индоевропейским прототипом загадки Сфинги была загадка о беременном животном. Мотив беременного животного, вплетенный в загадку, восходит к древнему культу жертвоприношения, что иллюстрирует, например, приводимая Овидием древнеримская загадка, заданная царю Нуме. В ней говорится о жертвоприношении восьминогой стельной коровы [13, с. 92]. Четыре ноги коровы находятся на земле, четыре другие ноги у неё внутри – у эмбриона.

Мотив *жертвоприношения* стельной коровы занимает центральное место в мифах Фиванского цикла, включая легенду об основании города – ведь город Фивы был заложен Кадмом, прапрадедом Эдипа, в том месте, где возлегла (жертвенная) стельная корова. Примером глубинной связи между *разгадыванием загадки* и мотивом жертвоприношения беременной коровы (с последующим *гаданием* по внутренностям) в сюжете об Эдипе

служит трагедия Сенеки «Эдип». На просьбу Эдипа *разгадать* имя убийцы Лаия дочь слепого проводца Тиресия, Манто, *гадает* по внутренностям принесенных в жертву животных – быка и стельной коровы с эмбрионом (*conceptus*) внутри (Seneca, *Oedipus*, 373). Загадку Сфинги в послегомеровских версиях мифа и гадание по туше принесенной в жертву беременной коровы у Сенеки пронизывает общий мотив скрытого предвестия: «треновость» (*τρίπουν*) в загадке Сфинги переключается с посохом слепца, на который будет опираться Эдип, а слова Манто «*per ora multus sanguis atque oculos redit*» (Seneca, *Oedipus*, 373) — «Из рта и глаз течет обильно кровь» (пер. В.П.) прозрачно намекают на его будущее самоослепление.

В этом контексте загадка Сфинги допускает альтернативное прочтение – как вариант древнейшей загадки о беременной корове с заменой животного на человека, то есть, на *беременную женщину*: «Перед нами загадка о беременной женщине, которая широко распространена во множестве вариантов, в большинстве случаев в виде загадки о беременном животном» [13, с. 92; 17, с. 640; 18, с. 238]. Суть состоит в том, «четвероногое» (*τετράπουν*) существо – это беременная женщина, две ноги которой находятся на земле, а две другие ноги – плода (*ἔμβρυο*, *fetus*) – земли не касаются [13, с. 92].

Плод в чреве. Я хочу поделиться своей догадкой о том, что лингвистический след подспудного смысла загадки Сфинги (как иносказания, означающего беременность) проступает в ответе Эдипа, изложенном в «Мифологической библиотеке»: «*ἄνθρωπον εἶναι: γίνεσθαι, γὰρ τετράπουν βρέφος ὄντα τοῖς τέτταρσιν ὀχοῦμενον κάλοις*» (Apollodorus 3.5.8). В отношении *четвероногого* (*τετράπουν*) Эдип употребляет слово *βρέφος*, которое обозначает не только ребенка, новорожденного младенца, но и находящийся в чреве плод человека (*fetus*) или животного (*βρέφος* этимологически родственно «жеребцу»). В этом значении слово *βρέφος* встречается в ряде источников, например, в «Илиаде» Гомера, где говорится о беременной кобылице с эмбрионом внутри (*ἔξετε ἀδμήτην βρέφος ἡμίονον κυέουσαν* — *Ἰλιάς* 23, 266), «кобылица <...> в недрах носящая *меска*» (пер. Н. Гнедича), в Евангелии от Луки, где речь идёт о младенце во чреве: (*εσκήρτησεν βρέφος ἐν τῇ κοιλίᾳ αὐτῆς* – Когда Елисавета услышала приветствие Марии, разыграл младенец во чреве ее (1:41). В ответе Эдипа слово *βρέφος* в значении «ещё не рождённого ребёнка» выглядит более логичным (две ноги женщины касаются земли и две ноги плода находятся в чреве – ср. с загадкой

Нумы), чем традиционное толкование, согласно которому иносказательный образ *четвероногого* существа в загадке Сфинги соотносится с новорождённым ребенком, ползающим на четвереньках. В этом случае возникает очевидная семантическая натяжка, ибо приходится считать ногами две руки ребенка [19]. Употребленное же Эдипом ключевое слово разгадки — *ἄνθρωπον* (человек — в аккумулятиве) может относиться не только к мужчине, но и к женщине, в том числе беременной. В одном из вариантов разгадки (Diodorus 4.64.4) на месте слова βρέφος употреблено слово νήπιον (аккумулятив от νήπιος), со значением «новорождённый ребёнок», что, вероятно, отражает более позднюю стадию интерпретации загадки.

Саргон. Идея о том, что легенда о Саргоне, как один из древнейших вариантов мифа о рождении героя, семантически сходна с историей Эдипа, была высказана австрийским психоаналитиком О. Ранком еще в 1908 году [20, с. 133-145]. Вслед за ним миф о вавилонском царе сопоставил с сюжетом об Эдипе русский исследователь В.Я. Пропп: «На воду спускаются будущие вожди своих народов <...> так начинает свой путь и <...> Саргон I, так на путь вождя, царя и полубога вступает ввергнутый в воду Эдип» [2, с. 274]. В тот же период В.К. Шилейко [21, с. 5 – 6] пришёл к выводу, что предания о Саргоне «были переняты в Эдипово предание» [13, с. 90]. Историю Саргона объединяет с легендой об Эдипе, в частности, мотив *нежелательной беременности*, приводящей к *попытке убийства новорожденного героя с помощью спуска его на воду*. Саргон рассказывает:

«...забеременела мною моя мать, весталка. Втайне родила она меня. Она поместила меня в сосуд из тростника, законопатив отверстие в сосуде и пустила вниз по реке, которое меня не утопило. <...> Акки, творец воды, он воспитал меня как своего собственного сына. <...> Я стал царем» [20, с. 133 – 134].

По другой версии «мать положила его в корзину из камыша, обложила ее глиной и спустила ее на воду» [2, с. 274]. В отличие от Софокла, согласно которому брошенного умирать младенца спасает пастух, римский писатель Гай Юлий Гигин сообщает, что Перибейя, жена Полибия, нашла ребёнка у моря, когда стирала одежду. Таким образом, мальчик *был найден в воде*: «Nunc Periboea Polibi regis uxor com vestem ad mare lavaret expositum sustulit Polibo sciente» [22, с. 72 – 73] —

«Перибейя, жена царя Полиба, подобрала мальчика, когда стирала одежду в море» [23, с. 115].

Типический сюжет. Сравнивая различные версии мифа о рождении героя, в том числе Саргона, О. Ранк приходит к мысли о существовании «типического сюжета», который содержит все узловые элементы истории Эдипа:

«Типический сюжет можно было бы схематически представить так. Герой — *ребенок знатных родителей*, обычно царский сын. Его появлению на свет предшествуют *сложные обстоятельства*: воздержание, долгое бесплодие, тайная связь родителей вопреки внешним запретам или препятствиям. Во время *беременности* матери или еще до зачатия *возвещается предостережение* от рождения ребенка (сон, пророчество оракула), которое чаще всего предвещает опасность отцу ребенка. Поэтому — *по воле отца или его приближенного* — *новорожденного обрекают на смерть*, оставляя на произвол судьбы: как правило, его *бросают в воду в ящике или корзине*. Затем *ребенка спасают звери или люди низкого сословия* (например, пастухи) и *вскармливают самка животного или женщина-простолюдника*. *Повзрослев, герой* преодолевает множество злоключений и находит своих знатных родителей; с одной стороны, он *мстит отцу*, с другой стороны, он *распознан* и добивается величия и славы» [20, с. 176].

Миф о близнецах. Легенда о рождении Саргона I Аккадского (III тыс. до н.э.), изложенная в позднем ассирийском тексте (7-й век до н.э.), выглядит одной из древнейших версий сюжета о рождении героя и, в свою очередь, истории Эдипа. Я хочу высказать предположение о том, что структурным прототипом сюжета о рождении героя является *миф о близнецах* (*близнецный миф*), восходящий к *культу близнецов* [7, с. 127 – 139]. В литературной традиции культ близнецов, отраженный в образе братьев-близнецов Ашвинов («Ригведа»), тесно связан с культом жертвоприношения. Само имя Ашвины этимологически восходит к «коню» (др. инд. Asvīnau: рожденный от коня) — одному из жертвенных животных в культуре (ср. культ коня). В легенде о рождении героя «герой спасается от ранней гибели с помощью замены на другого ребёнка, которого убивают вместо него» [24, с. 95; 25, с. 25 – 26]. Чудесное спасение героя после попытки его убийства (например, в воде, как в случае с Саргоном и Эдипом) связано с мотивом бессмертия, что предполагает наличие двух персонажей — одного смертного, а другого — бессмертного. Смертный герой и есть тот брат-близнец, кото-

рому «приходится умереть, дабы обеспечить бессмертие другого» [24, с. 95]. Мотив смертного и бессмертного близнецов восходит к таким сюжетам, как, например, история Алкмены, жены царя Фив Амфитриона, которая зачала близнецов — одного, Геракла, от Зевса, который принял облик ее мужа, а другого, Ификла, от своего супруга. В результате у братьев-близнецов возникает два отца — один «человеческий», а другой — «божественный», что соответствует культурной оппозиции «хтонический» — «небесный». Один из близнецов обретает божественные свойства, а второй становится обыкновенным человеком. В символическом смысле у Эдипа тоже два отца — один высокого, царского происхождения («небесный») — Лаий, а другой — низкого происхождения («хтонический») — спасший его пастух. При этом Эдип-младенец оказывается бессмертным (чудесным образом спасается от верной смерти), а взрослый Эдип становится простым смертным.

Мотив убийства. К устойчивым признакам близнечного мифа относится мотив соперничества или вражды между близнецами, когда *один из братьев убивает другого*. Другой важнейший элемент — попытка родителей или одного из родителей убить близнецов или одного из близнецов сразу после рождения. Классическим примером служит миф о братьях-близнецах Ромуле и Реме: брошенные умирать у воды (как и Эдип по версии Гигина), они были спасены и вскормлены волчицей (животным). В ряде вариантов сюжета об Эдипе его находит и спасает пастух, в символическом смысле принадлежащий природному, животному миру. В сюжете о вскормленных волчицей основателях Рима братьях-близнецах Ромуле и Реме прослеживается переключка (на основе «животного» мотива) с легендой о Кадме, прапрадеде Эдипа, который заложил город Фивы в том месте, где возлегла стельная корова. В легенде *об основании города* в единый сюжетный комплекс переплетаются мотивы жертвенного животного, братьев-близнецов, попытки их убийства и спасения:

«Многие из архаических символов города объединяет древнехеттский миф о близнецах — детях царицы города Канеса (Несы). В этом мифе 30 братьев-близнецов, которых (как Эдипа и Саргона в аналогичных мифах) их мать отправляет в горшках по воде, вырастают в городе Цальпа и возвращаются в родной город» [26, с. 171].

В основе легенды о *строительстве* Фив лежит тот же прототип — миф о близнецах. Город, в котором после убийства своего отца воцаряется Эдип, был построен Амфионом, братом-

близнецом Зета. Их мать Антиопа попыталась убить близнецов сразу после рождения, бросив их умирать у горы Киферон: «Дети были брошены, и их нашел пастух, который стал их воспитывать, назвав одного Зетом, другого — Амфионом» [27, с. 81]. История спасения новорожденного Эдипа, брошенного умирать с проколотыми ногами на склоне горы Киферон, поразительно сходна с историей неудавшейся попытки убийства и спасения братьев-близнецов Амфиона и Зета. Главное отличие мифа о близнецах от сюжета об Эдипе состоит в том, что, на первый взгляд, у Эдипа нет брата-близнеца.

Мнимые братья-близнецы. Моя догадка заключается в том, что базовая, прототипическая схема близнечного мифа обнаруживается в сюжете об Эдипе не в явной форме, а в виде скрытой глубинной структуры, в которой наличествуют не реальные, а *символические (мнимые, воображаемые) близнецы*. Сюжет об Эдипе построен на инверсии акта «убийства»: 1) Лаий «убивает» Эдипа (прокалывает ему ноги и думает, что тот погиб); 2) Эдип убивает Лаия (возвращаясь «с того света» неузнанным). Тем самым *ответное действие* — наказание, возмездие (условно говоря, «месть») за неудавшееся убийство новорожденного Эдипа осуществляет возмужавший Эдип, выступающий в роли воображаемого, мнимого брата-близнеца того Эдипа-младенца, который, как думал Лаий, погиб. Предсказанную оракулом гибель Лаия от руки собственного сына в контексте общего инвариантного сюжета мифа можно рассматривать как возмездие (условно — месть) за смерть (самоубийство) похищенного и совращенного им Хризиппа, сына Пелопа.

После смерти Лаия Фивы постигает моровое поветрие, которое, согласно предсказанию, отступит только тогда, когда будет найден и наказан убийца. После того, как в результате расследования выясняется, что Лаия убил сам Эдип, он наказывает убийцу, то есть самого себя (акт самоослепления). В близнечном мифе братья-близнецы *убивают своего отца* (ср. отцеубийство в мифе об Эдипе) и враждуют между собою (*один из близнецов наносит вред другому или убивает его*). Семантически это тождественно акту наказания Эдипом самого себя (самоослепление как *нанесение вреда*, в символическом смысле: редуцированное *убийство*). С точки зрения семантики сюжета в целом Эдип «расщеплен» на двух персонажей, одновременно выступая как в роли убийцы, так и в роли мстителя. Кроме того, Эдип «раздвоен» на две пары мнимых, воображаемых братьев-близнецов: с одной стороны, на Эдипа-ребенка и взрослого Эдипа, а с другой — на того

Эдипа, который считает себя сыном Полиба и Меровы, и на того, который на самом деле является сыном Лаия и Иокасты. Слияние этих виртуальных братьев-близнецов в едином образе главного героя свидетельствует о глубинной структурной связи сюжета об Эдипе с близнечным мифом.

Благодарности. Автор выражает благодарность С.М. Грачевой за конструктивную критику и ценные советы.

1. Goux, Jean-Joseph. *Oedipus, Philosopher*. Stanford University Press 1993. 228 p.
2. Пропп В.Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., Наука, 1976. 326 с. [Propp V.Ya. E'dip v svete fol'klora (Oedipus in the light of folklore). *Fol'klor i dejstvitel'nost'*. Izbranny'e stat'i. M., Nauka, 1976. 326 s.]
3. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., Академический проект 2008. 556 с. [Levi-Stros K. *Strukturnaya antropologiya (Structural anthropology)*. M., Akademicheskij proekt 2008. 556 s.]
4. Luria S. «Ton sou huion phrixon» (Die Oedipussage und Vervandtes). *Raccolta discripti in onore di F. Rainorino*. Pubblicazioni della Università Cattolica del sacro Cuore, 4th series, Scienza Filologiche 7, Milano 1927. P. 289 – 314.
5. Edmunds, Dundes. *Oedipus: a Folklore Casebook* / ed. Edmunds L., Dundes A. The University of Wisconsin Press 1995. 271 p.: P. 122-133.
6. Ginzburg C. *Ecstasies. Deciphering the Witches Sabbath*. London-Sidney 1990. 366 p.: P. 228 – 231.
7. Штернберг Л.Я. Античный культ близнецов при свете этнографии // Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936. 573 с. [Shternberg L.Ya. Antichny'j kul't bliznecov pri svete e'tnografii (The ancient cult of twins in the light of Ethnography). *Pervobytnaya religiya v svete e'tnografii*, L., 1936. 573 s.]
8. Близнечные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 174 – 176. [Bliznechny'e mify' (Twin myths). *Mify' narodov mira: E'nciklopediya*. M., 1980. T. 1. S. 174 – 176].
9. Latham R.G. *Descriptive Ethnology*. London 1859. 516 p. P. 325.
10. Bladé J.F. *Contes populaires de la Gascogne*. Paris 1886. 390 p. P. 3 – 14.
11. Frazer, Donald. *Winning a Primitive People*. Nabu Press 2012. 358 p. P. 171.
12. Загадки русского народа. Сб. загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. Санкт-Петербург, тип. Н.А. Лебедева, 1875. [4], VI, [2], 332 с. № 1726. С. 216. [Zagadki russkago naroda. Sb. zagadok, voprosov, pritch i zadach (Mysteries of the Russian people. Sat. riddles, questions, parables and tasks) / sost. D. Sadovnikov. Sankt-Peterburg, tip. N.A. Lebedeva, 1875. [4], VI, [2], 332 s. № 1726. S. 216].
13. Иванов Вяч. Всев. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том III. Структура индоевропейских загадок-кеннингов. М., Языки славянской культуры, 2004. 816 с. [Ivanov Vyach. Vsev. Izbranny'e trudy' po semiotike i istorii kul'tury'. Tom III. *Struktura indoeuropejskix zagadok-kenningov (Selected works on semiotics and cultural history. Volume III. Structure of the Indo-European kennings riddles)*. M., Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 816 s.]
14. Kaufmann, Walter. *The Riddle of Oedipus: Tragedy and Philosophy / Tragedy and Philosophy*. Doubleday and Company 1968, 480 p. P. 210.
15. Stephen Rojcewicz. *How to Kill a Sphinx / Delos: The Journal of Translation and World Literature*. Vol. 33, no. 2, 2018. 134 p. P. 119.
16. Пимонов В.И. Эдип и загадка Сфинги: анатомия стопы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, т. 21, №64, 2019. С. 76 – 81. [Pimonov V.I. E'dip i zagadka Sfingi: anatomiya stopy' (Oedipus and the riddle of the Sphinx: anatomy of the foot). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'ny'e, gumanitarny'e, mediko-biologicheskie nauki*, t. 21, №64, 2019. S. 76 – 81. http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2019/2019_1_76_81.pdf]
17. Schultze W. *Kleine Schriften*. Göttingen 1933. P. 640.
18. Porzig W. *Das Rätsel der Sphinx*. *Lexis* 1953. Vol. 3. P. 238.
19. Пимонов В.И. Разгадал ли Эдип загадку Сфинги? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, т. 21, №66, 2019. С. 71 – 78 [Pimonov V.I. Razgadal li E'dip zagadku Sfingi? (Had Oedipus solved the riddle of the Sphinx?). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'ny'e, gumanitarny'e, mediko-biologicheskie nauki*, t. 21, №66, 2019. S. 71 – 78].
20. Ранк Отто. Миф о рождении героя // Между Эдипом и Озирисом. Становление психоаналитической концепции мифа. М., Инициатива 1998. 505 с. [Rank Otto. Mif o rozhdenii geroya (The myth of the birth of a hero). *Mezhdru E'dipom i Ozirisom. Stanovlenie psixoanaliticheskoj koncepcii mifa*. M., Inicijativa 1998. 505 s.]
21. Sileiko W.K. *Ein Omentext Sargon von Akkad und sein Nachklang bei roemischen Dichtern*. *Archiv fur Orientforschung*. Berlin 1929. Bd. 5. Htf. P. 5 – 6.
22. *Fabulae Hyginus*. Edidit Mauricius Schmitd. Jena. Apus Hermannum Dufft. MDCCCLXXII (1872). LXVI Laius. 174 p. P. 72 – 73.
23. Гигин. Мифы / пер. с лат. Д.О. Торшилова. Под общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб., Алетейя 1997. 360 с. [Gigin. Mify' (Myths) / per. s latin. D.O. Torshilova. Pod obshhej redakciej A.A. Taxo-Godi. SPb., Aletejya 1997. 360 s.]

24. Rank Otto. Beyond Psychology. Published Privately By Friends and Students of the Author; First Edition edition (1941). P. 95.
25. Segal Robert. The Myth of the Birth of the Hero. A Psychological Exploration of Myth by Otto Rank. Expanded and Updated Edition. Introductory Essay by Robert Segal, Ph.D. John Hopkins University Press, Baltimore 2015, p. 25 – 26.
26. Иванов Вяч. Всеv. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том IV. Языки славянских культур. М., 2007. 792 с. [Ivanov Vyach. Vsev. Izbranny'e trudy` po semiotike i istorii kul'tury`. Tom IV. Yazyki slavyanskix kul'tur (Selected works on semiotics and cultural history. Volume IV. Languages of Slavic cultures). М., 2007. 792 s.]
27. Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., АСТ, 2004. 352 с. [Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka (Mythological library). М., АСТ, 2004. 352 s.]

THE PROTOTYPES OF THE OEDIPUS STORY: THE SACRIFICE CULT AND MYTH ABOUT TWINS

© 2019 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology (Denmark), Professor emeritus (Daniya).

E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film & Television School. Moscow, Russia

This article is an attempt to unearth the prototypes of the Oedipus story. The author argues that the roots of the prototypes or basic forms (ur-form), which provide the foundation for the Oedipus myth, lie in the ancient sacrifice cult and myth about twins. The article describes a semantic similarity between the sacrifice cult and the riddle of the Sphinx, both based on the camouflaged motif of pregnancy, and - between the myth about twins and the story of Oedipus, both pervaded by the motif of murder (infanticide and patricide). The author comes to the conclusion that Oedipus symbolically is a «split personality», dissociating into two virtual (imaginary) twins, which illuminates the deep, hidden connection between the story of Oedipus and the myth about twins.

Key words: plot, prototype, riddle, Oedipus, myth, sacrifice, twins.